

Часть 1

День первый

Митрофан

Старший следователь Митрофан Васильевич Голушко ненавидел сало. Ему не нравилось в нем все: вкус, вид, запах, даже звучание этого слова казалось ему отталкивающим. Еще он терпеть не мог вареники, не пил горилку, не ел борщ, а что такое галушки, представлял весьма отдаленно. Но, несмотря на это, все его коллеги были уверены в том, что старший следователь Голушко ни дня не может прожить без сала и прочих хохляцких радостей. И сколько бы он ни пытался доказать сослуживцам, что жиру убитой свиньи предпочитает сыр, а горилке квас, никто ему не верил. Именно поэтому на всех сабантуях, кои в следственном отделе проводились не реже одного раза в месяц, Митрофана сажали рядом с тарелкой «хохляцкого хлеба», а напротив него ставили «Немировскую перцовку». Всем казалось, что человек с такой фамилией и внешностью просто обязан квасить «ридну горилку», закусывая ее шматом сала...

Пожалуй, именно внешность сослужила Митрофану плохую службу, ведь были в их отделе и другие «ко», был майор Ткаченко, лейтенант Михеенко, но тех не держали за «салолюбов», потому что оба имели вполне ординарные среднерусские лица, зато Голушко выглядел точно как казак с картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»: лысый, как коленка, краснолицый, с вислыми усами (сколько он ни пытался их подкручивать, они все равно опускались к подбородку) и толстыми лоснящимися щеками. К тому же был он высок, мясист,

большерук, а из-под его брючного ремня вываливалось круглое пивное брюхо.

Фамилия старшему следователю досталась от отца, а внешность, наверное, от анонимной матери (потому что Митрофан маму ни разу не видел, а его папаша Василий Дмитрич ее плохо помнил). Лучше бы было наоборот, так как его батя в свои шестьдесят восемь был строен, гладок, симпатичен, имел вполне приличный чуб и еще различимые кубики на животе. И это притом, что старший Голушко всю жизнь пил, курил, переедал, спал с кем ни попадя (из-за чего неоднократно лечился у врача-венеролога), играл в азартные игры (за это пришлось даже посидеть), дрался. Короче, не щадил ни душу, ни печень. И каков результат? Василий выглядит, как английский аристократ в десятом колене, а непьющий, некурящий Митрофан похож на заправского алконавта с глухого украинского хутора! Обиднее всего, что Василий нисколько не заботится ни о фигуре, ни о здоровье: может выдуть пять бутылок «Балтики» за раз, слопать блюдо с шашлыком, уговорить вечером коробку конфет, но у него кубики на животе и давление, как у космонавта, а у сына пивное брюхо и гипертония!

Нет, жаль, что Митрофан пошел не в отца, очень жаль!

Примерно такие мысли одолевали старшего следователя Голушко за завтраком. Завтракал Митрофан в своем кабинете, так как дома спокойно поесть не получалось — именно по утрам отец любил лезть к сыну с советами по поводу и без, что очень мешало пищеварительному процессу. Обычно утренняя трапеза Митрофана состояла из пары бутербродов с сыром и маслом, но сегодня он изменил себе — съел три куска «Рокфора» без хлеба, потому что сыр с плесенью не нуждается в компаньонах: батон и масло только портят его вкус.

Голушко доедал второй кусок, когда дверь открылась и в проеме показалась раскрасневшаяся от быстрого бега физиономия старшего опера Лешки Смирнова.

— Сало ешь? — хмыкнул он, мазнув взглядом по застывшему у Митрофанова рта куску сыра. — И без хлеба! Ну ты, хохол, даешь!

— Это сыр, — прорычал Голушко, пряча «Рокфор» в салфетку. — Я сто раз говорил, что не ем сала!

Смирнов мерзко хихикнул, из чего Митрофан сделал вывод, что его словам никто не верит, и уже другим тоном сказал:

— У нас свежий трупак! Через пять минут выезжаем. Если поторопишься... — он показал глазами на салфетку, — доесть са... в смысле, сыр, то успеешь с нами.

— Чей труп? Где?

— Женский. В квартире... — Смирнов начал нетерпеливо бить копытом (стоптаным башмаком) землю (драный линолеум). — Давай, короче! А то уедем без тебя, добирайся потом как хочешь — бензина выдали только на один рейс.

— Кто сообщил о трупе?

— Соседка сверху. Спускалась, увидела, что дверь приоткрыта, вошла... Ну а дальше сам догадайся!

Митрофан кивнул, догадался: соседка нашла хозяйку квартиры мертвой, после чего позвонила в милицию.

— Застрелена, задушена, зарезана или еще что? — спросил на ходу Голушко — он уже направлялся к двери.

— Труп до подбородка прикрыт простыней. На простыне кровавые пятна, так что может быть все что угодно... — Лешка дурашливо подмигнул. — Вплоть до расчлененки.

Голушко тяжело вздохнул — только расчлененки ему в этом месяце не хватало! Мало двух поножовщин, трех перестрелок, шести драк со смертельным исходом и одной заказухи!

— Не парься, Митюша, — подбодрил товарища Смирнов. — Наверняка банальный огнестрел... Деваха-то наша, знаешь, в каком районе обнаружена?

— Неужто в «Берегах мечты»? — предположил

Голушко, назвав самый фешенебельный район города.

— Ну это ты загнул... Тогда бы нас не соседи, а их секьюрити вызывали... Она на Александровском спуске жила. Бывший дом работников искусств рядом с церковью знаешь?

Митрофан знал — это был старинный трехэтажный особняк, очень красивый, еще крепкий, квартиры в нем стоили безумно дорого, но покупатели на них всегда находились, потому что таких высоких потолков с отлично сохранившейся лепниной, такого красивого дубового паркета, таких широких мраморных подоконников не было ни в одном другом доме города.

— Из «новых русских» дамочка, — сделал вывод Голушко.

— Актрисулька, наверное, или моделька, ты же знаешь, как любит богема этот дом, к тому же соседка ее красавицей называла. — Смирнов хлопнул Митрофана по мясистой спине. — Прикинь, Митюня, какое нам счастье привалило — на настоящую модель посмотреть... Пусть даже и на мертвую.

Митрофан скривился — такого «счастья» он не пожелал бы никому. Сам он больше десяти лет на «жмуриков» смотрит, казалось бы, должен привыкнуть, но всякий раз при виде убитого человека его мутит — уж больно жуткое зрелище. Конечно, мертвых моделей ему видеть не приходилось, все больше бандиты да пьянь, но Голушко был уверен, что смерть уродует даже самые красивые лица, а ножевые или огнестрельные раны обезображивают самые совершенные тела...

В ошибочности своего мнения Митрофан убедился сразу же, как только увидел убитую. Она была прекрасна! Фарфоровое личико с тонким носиком, изящным подбородком, пухлым ртом, в ореоле длинных, рассыпавшихся по подушке, золотых волос. Ее безупречные черты не исказились, не заострились, как у всех виденных до этого покойников, девушка выглядела безмятежной, умиротворенной, и совсем не походила на мертвую, скорее на спя-

щую — на Спящую Красавицу из сказки, только хрустального гроба не хватало...

— Точно модель, — прошептал Смирнов, замороженно глядя на безупречное мертвое лицо. — Супермодель.

— Красивая, — согласился Митрофан. — Кто такая?

— Харитоновна Людмила Ильинична, двадцать семь... Умерла, что называется, во цвете лет...

Голушко приспустил простыню, обнажив роскошный бюст покойницы и две огнестрельные раны: одну под правой грудью, другую под ключицей. На раны смотреть было страшно, а на грудь стыдно, поэтому Митрофан отвернулся.

— Я ж тебе говорил, огнестрел, — сказал Смирнов, оценивающе уставившись на бюст покойницы. — Размер третий, не меньше. — Потом потрогал левую грудь, помял ее пальцами и добавил: — Силиконовая.

Голушко шлепнул Леху по руке и отошел от противоестественно красивого трупа в другой конец комнаты — он увидел на кресле маленькие, размера двадцатого, джинсики.

— У нее есть ребенок? — спросил он, рассматривая их.

— В паспорте отметок нет.

— На няню она вроде не похожа... — Голушко огляделся, увидел на полу крошечную дамскую туфельку и добавил задумчиво. — Но ребенок в ее доме бывал...

— Может, племянку приводила? Или фетиш у нее такой — детская одежонка.

— Дурак ты, Леха.

— Че это? Я про них, моделей, и не такое читал...

Произнеся эти слова, Леха замер с открытым ртом возле картины, висящей над кроватью. На ней была изображена хозяйка квартиры (она же жертва). Художник явно не собирался оригинальничать, содрав сюжет у гениального Боттичелли, то есть на его полотне девушка стояла в той же позе (стыдливо прикрывала лобок рукой), что и Венера итальянско-

го живописца, ее волосы так же трепал ветер, а ступни омывали волны. Единственное, что отличало красавицу эпохи Раннего Возрождения от современной, так это выражение лица: у той оно было одухотворенное, у этой похотливое.

«Как жаль, — подумал Митрофан, — что за несколько веков женщины так сильно изменились. Из символов чистоты превратились в символы низменных страстей и желаний».

«Как жаль, — подумал Леха, — что во времена Боттичелли еще не изобрели силикон. Иначе его Венера смотрелась бы нисколько не хуже этой...».

Тут в комнату, брэнча допотопными «Зенитами», ввалился фотограф Игорь Иванович Зарубин. Поздоровавшись с Голушко и Смирновым кивком головы, он прямой наводкой направился к трупу.

— Трогали чего? — спросил он, вскидывая фотоаппарат.

— Простынку немного приспустили, — оттрапортовал Смирнов.

— На сиськи посмотреть не терпелось?

— На раны, старый ты извращенец!

— Меня надо было подождать.

— Тебя дождешься! — фыркнул Леха.

— Да опять фотик пленку зажрал — не перематывалась.

— Тебе «Никон» купили, а ты все с этим старьем носишься, — упрекнул Зарубина Смирнов.

— Я свои «Зениты» ни на что не променяю! Они как боевые друзья, ясно тебе?

— Не очень, — буркнул опер, — но в полемику вступать не буду, так как она может затянуться...

— Вот и помолчи, — отбрил его фотограф, — глядишь, за умного сойдешь... — Леха фыркнул, а Зарубин, посмотрев на труп через линзу своего «Зенита», велел: — Ну-ка сделай простынку как было — мне первоначальная картина нужна...

Смирнов подошел к покойнице, накинул простыню ей на грудь, отошел.

Зарубин опять нацелил фотоаппарат, но вместо

привычного щелчка раздался его возмущенный возглас:

— Не так было!

— Почему не так? — нахмурился Леха. — Так. Простыня до подбородка.

— Митя, так? — спросил Зарубин у Голушко — его он уважал больше, чем разбитного не по годам, легкомысленного Леху.

— Так, — подтвердил Митрофан.

— Не может быть!

Голушко и Смирнов недоуменно переглянулись, а Зарубин покачал своей крупной, как у старого сенбернара, лохмато-седой головой.

— Неужели вы ничего не замечаете? — спросил он. — Тогда посмотрите повнимательнее... И не только на сиськи!

Голушко послушно посмотрел, правда, первым делом взгляд его упал как раз на них, на силиконовые груди третьего размера, а уж потом на все остальное: лицо, плечи, вытянутые вдоль туловища руки, затем на кровать королевских размеров, на которой возлежала девушка, на балдахин над ней, на тумбочку с цветами, на картину в стенной нише...

— Что скажете? — нетерпеливо спросил Зарубин.

— Богато, — ответил Голушко.

— Особенно в области грудной клетки, — уточнил Смирнов.

— Эх вы, наблюдатели, — с упреком сказал фотограф. — Посмотрите, как она лежит! Точно посередине кровати, на симметрично разложенных подушках, на безупречно гладких простынях... — Он подошел к покойнице, пощупал через шелк простыни ее ноги. — Конечности распрямлены, волосы уложены аккуратным нимбом... Кругом красота и гармония — а вы простыню комом...

— Красивые люди и умирают красиво, — бросил Смирнов.

— Ты на что намекаешь, Игорь Иванович? — спросил Голушко на всякий случай, хотя уже понимал на что.

— Ритуал, ребята! Маньяком пахнет...

Митрофан похолодел — маньяк даже хуже «расчлененки»! Маньяк — хуже замучившего его геморроя! Маньяк — это самый кошмарный кошмар старшего следователя Голушко!

— Глупости! — фыркнул Леха Смирнов, буквально вернув Митрофана своим возгласом к жизни. — Никаких маньяков не существует, они — вымысел киношников и журналистов!

— Я лично одного знал, — запальчиво возразил Игорь Иванович. — У меня сосед был по фамилии Козлов, хороший мужик, мы с ним в домино во дворе играли... А оказался он серийным убийцей, которого милиция шесть лет разыскивала. Ловил девушек в парке, насиловал, убивал, вернее, сначала убивал, потом насиловал, а затем вот так же красиво укладывал, украшал труп цветами и листьями...

— И все равно — глупости! — не унимался Леха. — Ее любовник убил, это ежу понятно! — Он вцепился в рукав Митрофанова джемпера и начал объяснять: — Дверь открыли родным ключом, значит, убийца был вхож в этот дом...

— Или выкрал ключи у намеченной жертвы, — встрял Зарубин.

— Она его ждала! Намылась, разделась, причесалась, надушилась — запах до сих пор в воздухе витает, — азартно выкрикнул Леха, шмыгнув носом. — Порядок навела, красоту: цветочки поставила, бельишко шелковое постелила... — Он с надменным видом глянул на оппонента. — А то, что подушки лежат симметрично, простынки без морщинок, а волосы нимбом, я тебе вот что скажу — все бабы так любовников встречают! Им же, бабам, особенно моделям, главное произвести впечатление, подать себя красиво! Сбить мужика с ног у самого порога.

— А получилось, что он ее с самого порога... только не сбил, а убил, — тихо сказал фотограф.

— В упор, а не с порога, — поправил Смирнов. — Она лежала, когда он вошел, ждала. Он подошел, склонился над ней, сделал вид, что хочет поцеловать, а вместо этого всадил ей в грудь две пули.

Потом закрыл ее глаза, прикрыл тело простыней и скрылся в ночи.

— Звучит правдоподобно, — кивнул Голушко. — Если, конечно, опустить бред типа «скрылся в ночи»...

— Почему же бред? Он в ночи и скрылся!

— Девушку убили ранним утром, так что если тебе очень хочется употреблять красивые книжные выражения, скажи просто: «И он нырнул в утренний туман...»

— Утром? Ты уверен?

— Почти на сто процентов...

Голушко не договорил, так как за его спиной раздался красивый баритон:

— С каких пор господин старший следователь берет на себя обязанности эксперта-криминалиста?

Господин старший следователь обернулся. Как и ожидалось, на пороге комнаты обнаружился эксперт с важной фамилией Ротшильд. Внешность у него была под стать фамилии — важная, особенно внушительно смотрелось лицо, такое хоть на монетах чекань: с квадратным подбородком, крупным прямым носом, выпяченной нижней губой. Только тело подкачало, оно было бесформенным, рыхлым, толстозадым, но Ротшильд очень старался это скрыть: носил приталенные пиджаки в вертикальную полоску с большими поролоновыми плечами. Характер у эксперта был отвратительный: склочный, неуживчивый, Леха Смирнов эксперта кроме как «поганцем» не называл. Голушко Ротшильда тоже не любил, поэтому, увидев его, очень пожалел, что не приехал на место преступления позже.

— Ну так что, господин старший следователь? — раздув ноздри, спросил эксперт. — Мне уйти, дав вам возможность поупражняться в криминалистике, или остаться, чтобы делать свою работу?

— Прошу, господин эксперт, приступайте, — невозмутимо ответил Митрофан, жестом указав эксперту на покойную.

Ротшильд сжал губы в ниточку, надменно кивнул, после чего подошел, склонился над трупом и, из

вредности загородив своей толстой спиной обзор, стал над ним колдовать.

Спустя пару минут он распрямился, стянул с рук резиновые перчатки и вынес вердикт:

— Жертва застрелена предположительно из пистолета небольшого калибра — входное отверстие маленькое. С близкого расстояния. Смерть наступила между 3.45 и 4.30 утра.

— Еще что-то можете добавить? — на всякий случай спросил Митрофан, хотя прекрасно знал, что из вредного эксперта лишнего слова не вытянешь. Однако в этот раз Ротшильд расщедрился еще на один комментарий:

— Убийца, скорее всего, был хорошо знаком с жертвой.

— И я о том же! — возбужденно выкрикнул Леха. — Это любовник ее пристрелил, теперь надо только выяснить его личность...

Голушко грозно зыркнул на Смирнова, и тот тут же замолк, а Митрофан спросил у эксперта:

— Из чего вы сделали такой вывод?

— Из характера пулевых отверстий. — Ротшильд указал перстом на раны на теле жертвы. — Смотрите, одно ниже груди, второе выше, оба выстрела сделаны под наклоном. Как вы думаете, почему?

— Чтобы пули достигли сердца, — оторвавшись от фотоаппарата, бросил Зарубин.

— Пули достигли бы его быстрее, если бы убийца выстрелил точно в грудь...

— Он не хотел портить такую красоту, — заявил Леха.

— Он знал, что грудь силиконовая, — отчеканил Ротшильд, уничижительно глядя на озадаченного опера. — Он боялся, что пули застрянут в нем, и жертва сможет выжить...

— Такое бывает? — искренне удивился Голушко. — Чтобы силикон спасал жизнь? Я слышал, что он только к раку приводит и к искривлению позвоночника...

— В моей практике (ранее я работал хирургом,

если кто не знает) был случай, когда жертва осталась жива благодаря имплантатам, они, правда, были побольше, чем у нашей девушки, размера пятого... В нее стрелял бывший любовник, целился прямо в сердце, но пуля застряла в силиконе, не дойдя до пункта назначения. В результате девушка осталась жива, только один имплантат пришлось поменять...

Повисла напряженная пауза: и Голушко, и Смирнов переваривали услышанное — первый раздумывал над тем, мог ли убийца знать о дополнительных возможностях силикона, а второй представлял, как выглядит грудь пятого размера. Голушко пришел к выводу, что знать мог только медик, а Смирнов решил, что выглядит она просто превосходно.

— По той же причине выстрел был сделан с близкого расстояния — с другого конца комнаты так точно не прицелишься, — прервал всеобщее молчание Ротшильд, — и рискуешь угодить в силиконовую подушку.

— К чему такие сложности? — вновь полюбопытствовал Зарубин. — Не легче ли было стрелять в лоб?

— Это только киллеры делают контрольный в голову, — ответил Голушко. — А убийцы-непрофессионалы очень редко в нее целят, как правило, стреляют в сердце...

— Почему?

— Вы представляете, что происходит с головой, когда в нее попадает пуля?

— Представляю — в кино сто раз показывали: кровяная и мозги в разные стороны, — фотограф передернулся. — Зрелище кошмарное!

— Другие тоже кино смотрят и тоже представляют, — грустно улыбнулся Митрофан. — Поэтому мало кто может решиться выстрелить в лицо...

— Особенно в знакомое лицо, — поддакнул Леха. — Убийца был из близкого окружения покойной, это ясно. Либо подруга, либо родственник, либо любовник. Скорее, любовник — подружки про силикон могут и не знать...

— Или ее хирург-пластик, — ткнул пальцем в небо следователь Голушко.

— Тоже не исключается.

— Или фотограф, гример, стилист, они в сиськах не хуже хирургов разбираются, — опять влез со своей версией Зарубин. — К тому же в их гребаном модельном бизнесе каждый готов другому глотку перегрызть...

— Вы сказали — в модельном? — скривив рот в саркастической улыбке, спросил Ротшильд. — Я правильно понял?

— Мне Леха сказал, что она манекенщица.

— Манекенщица?

— Ну... топ-модель или вроде того, — подтвердил тот.

Эксперт хохотнул и рывком сорвал простыню с трупa. Легкий шелк соскользнул на пол, открыв нагое тело целиком. И все увидели то, что до сего момента сподобился лицезреть лишь Ротшильд, — внушительных размеров мужское достоинство в поросли темных курчавых волос.

— Какая гадость, — прохрипел Леха, сплевывая. — Трансвестит!

— Гермафродит, — поправил его Ротшильд.

— А есть разница?

— Огромная. — Эксперт подошел к покойнице («це» или «ку», черт побери?), схватил ее неженскую прелесть рукой и (тьфу, тьфу, тьфу) приподнял. Под ней обнаружился еще один боекомплект, уже дамский. Митрофан, увидев его, стыдливо потупился, а Леха, наоборот, с большим интересом начал разглядывать. Ротшильд, очень довольный произведенным эффектом, спросил: — Теперь вы видите разницу?

— Во времена моего детства таких называли «Маня-Ваня», — пробормотал Зарубин. — Одну я даже знал лично — мы с ней в волейбол вместе играли...

— Зарубин, у тебя очень бурное прошлое, — восхищенно протянул Смирнов. — С маньяками ты

в домино резался, с гермафродитами в волейбольчик...

Зарубин раздраженно махнул на Леху рукой и продолжил:

— Хорошая была девчонка, добрая, играла здорово... Но однажды пацаны подглядели, как она после тренировки в душе моется... Ну и увидели... — Он глазами показал на свой гульфик. — Что потом было, сами понимаете... Затравили девчонку — повесилась она.

— Гермафродиты склонны к депрессиям и суициду, — важно заявил Ротшильд, — они очень ранимы, закомплексованы, постоянно живут в страхе, что кто-то узнает о них правду. Поэтому я сомневаюсь, что наша красавица была манекенщицей или топ-моделью — общие раздевалки, пристальное внимание, а также трусики-стринги, не скрывающие ничего наряды — все это выдало бы ее в два счета!

— Значит, не топ-модель, — разочарованно протянул Леха. — Тогда кто?

— Скорее порномодель — таких девочек в этом бизнесе очень ценят.

— Да ну? — не поверил Зарубин.

— А вы как думали! Гермафродитов вообще очень мало, а таких, которые бы не постеснялись выставить себя напоказ, — единицы. — Ротшильд обвел взглядом комнату, оценив обстановку, и добавил уверенно: — Наша девушка прекрасно обеспечена, у нее силиконовая грудь, татуировка в паху, интимная прическа, она точно порномодель.

— Или проститутка, — выдал версию Леха. — Скорее проститутка, ведь в нашем городе как такового порнобизнеса не существует, зато бизнес интим-услуг процветает — массажных салонов пооткрывалось до черта!

— Только этого нам не хватало, — упавшим голосом сказал Митрофан.

— Да уж, попали вы с этой бабенкой, — злорадно улыбнулся Ротшильд. — С ног собьетесь, чтобы вычислить всех ее любовников и любовниц!

Зарубин сочувственно протянул «н-да», Леха сдавленно застонал, а Митрофан обессиленно опустился в кресло, он понял, что это будет самое сложное, самое изматывающее, самое паскудное расследование за всю его карьеру.

Марго

Это была самая сложная, самая изматывающая, самая паскудная ночь за всю ее карьеру! Сначала она приняла старого армянина с молодецким здоровьем: за два часа он умудрился «оправдать затраты» четырежды, потом юнца, нажравшегося «Виагры», но даже после нее недееспособного, затем местного политика — своего постоянного клиента, который любил, чтобы его наряжали школьницей и шлепали по попе. Ближе к утру к ним в бордель завалились два пьяных немца, один выбрал ее, Марго, второй толстую Венеру, но так как они оба были не способны на постельные подвиги по причине полной невменяемости, пришлось развлекать их русскими народными песнями и плясками. Марго пела, а Венера плясала, тряся своими складками на животе...

Отбыли немцы только в половине третьего, когда все девочки уже разъехались по домам, а Мадам удалилась в свой флигелек, оставив бордель на охранника Сашку. Затолкав пьяных бюргеров в такси, усталые Марго с Венерой вернулись в дом, попили чаю в компании с Сашкой, сполоснулись, после чего Венера загрузилась в свой джип «Гранд-Чероки» (в других машинах она не помещалась) и отбыла к себе, а вконец измотанная Марго прилегла на кровать, на которой не так давно убажала своих клиентов, для того, чтобы немного отдохнуть.

«Подремлю чуточку, — сказала она себе перед тем, как погрузиться в сон, — всего полчаса, а потом поеду домой...»

Проснулась Марго через четыре часа, когда утро было в самом разгаре. В этом, конечно, не было ничего страшного, просто на сегодня у нее было запла-

нировано одно мероприятие, а именно, поход на рынок за настоем из ромашки, который лучше всяких импортных кремов помогал бороться с веснушками. Бабка, которая этим настоем торговала, приходила на базар к самому открытию, поэтому Марго, проснувшись в восемь тридцать, купить его никак не успевала, ведь желающих избавиться от конопушек было великое множество, и отвар расхватывали вмиг.

Марго встала с кровати, подошла к зеркалу, придирчиво осмотрела свое лицо: не появились ли предательские рыжинки на гладких щечках, но нет, пока они оставались безупречно розовыми. Лицо было безупречным, гладким и красивым! Какое счастье, что она находится в том возрасте, когда бессонные ночи не оставляют на коже следов. А вот лет через пять придется покупать не только отвары от веснушек, но и от морщин, и от мешков под глазами, и от отеков... Но, как говорится, не будем о грустном! Сейчас у нее нет поводов для беспокойства: лицо настолько хорошо, что его хоть сейчас помещай на обложку журнала... Или на икону. Да, Марго многие говорили, что у нее иконописное лицо: тонкое, одухотворенное, с большими глазами, изящным носом, красивым маленьким ртом. Увидев такой лик, никто не сказал бы, что он принадлежит проститутке, скорее монахине. Или богине. Или святой.

Святая Маргарита! Боже, что может быть смешнее! Марго прыснула в кулачок, представляя, как ее, проститутку из борделя «Экзотик», причисляют к лику святых только за то, что ее лицо хорошо будет смотреться на иконе...

А вообще в их бордельчике все девочки красивые. Все, кроме Евы Браун, но той красота без надобности — у нее на голове всегда кожаная маска с прорезями для глаз и рта, и ни один ее подшефный мазохист не представляет, насколько она уродлива. Но все остальные, даже толстая Венера, у которой имеется сразу три подбородка, были милашками. Однако ж признанными королевами в «Экзотике» считались Марго и ее подруга Афродита. Особенно

Афродита — она была не просто красива, она была прекрасна, как ее древнегреческая тезка.

Вспомнив о подруге, Марго засобиравалась домой — последние две недели девушки жили под одной крышей. Быстренько передела белье: красный кружевной комплект сменила белым хлопковым. Затем облачилась в повседневную одежду, заколола свои роскошные русые волосы «крабом», обулась в кроссовки, вышла в коридор.

Комнаты, или, как говорила Мадам, апартаменты, находились на втором этаже, а на первом была большая гостиная с баром-стойкой, удобными кожаными диванами и небольшим помостом, где иногда устраивались стрип-представления. Из гостиной выходил коридор, ведущий в холл, там же была комната охранника, расположенная рядом с входной дверью. Но из здания можно было выйти не только через нее, но и через другую, расположенную на маленькой кухоньке, где приходящая повариха Катя готовила для клиентов нехитрые закуски. Марго направилась именно к ней, потому что не хотела беспокоить Сашку — она знала, что в это время он спит, отдыхая после бессонной ночи.

Но оказалось, что охранник уже встал — когда Марго вошла в кухню, она обнаружила его у плиты. Парень варил себе кофе, напевая под нос глупую песню про муси-пуси.

— Привет, — поздоровалась с ним Марго. — Кофейком не угостишь?

Сашка обернулся и удивленно уставился на нее.

— Ты здесь? А я думал, что в здании, кроме меня, никого...

— Я заснула, а проснулась только что. — Марго взгромоздилась на крутящийся табурет. — Так угостишь или нет?

— Конечно, угощу, — ласково улыбнулся Сашка, пододвигая к Марго пока еще пустую чашку.

Саша был очень красивым молодым человеком, но жутко застенчивым. И эти два взаимоисключающих качества привлекали к нему внимание всех девочек заведения. Каждая проститутка, работающая

в «Экзотике», мечтала соблазнить такого хорошенького, такого милого, неиспорченного мальчика. Да что там проститутки! Даже повариха Катя поглядывала на него с вождением. Даже Мадам — нет, да и заглядывалась на его крепкие ягодицы... И только Марго относилась к нему спокойно, подружески, не пытаясь при любом удобном случае залезть к нему в ширинку. Конечно, он ей тоже нравился, но она считала, что такой милый мальчик должен оставаться чистым, не марая себя сексом с продажными бабами.

Вот за это отношение к себе Саша и уважал Марго. Только с ней он мог потрепаться за жизнь, попить кофе, поиграть в карты, она была единственная из девочек, от кого он не шарахался, как от чумы.

— Сумасшедшая ночка выдалась? — спросил Сашка, разливая кофе по чашкам.

— Ужас, — кивнула Марго, осторожно отхлебывая обжигающий напиток. — Все как с ума посходили! Обычно за ночь я пару клиентов принимаю, а тут целых четыре!

— Так полнолуние же было! Вот у всех крышу и снесло...

— Думаешь, луна как-то влияет на сексуальность?

— А то нет! Неслучайно все психи в полнолуние активизируются... А во всех остальных, даже в тех, кто кажется нормальным, просыпаются первобытные инстинкты.

— Ты кого имеешь в виду?

— Нашу Мадам, — Сашка понизил голос до шепота. — Она меня вчера за задницу схватила и говорит: «Когда все уgomонятся, приходи — будем шалить!» Прикинь — «шалить» она вздумала! Я от нее такого не ожидал...

Марго улыбнулась — представить степенную Мадам, хватающей парня за ягодицы, было очень трудно, но, зная хозяйку лучше Сашки, она несколько этому не удивилась. Дело в том, что владелица «Экзотика» когда-то была одной из самых до-

рогих проституток города. И как поговаривают, пришла в этот бизнес не столько ради денег, сколько по зову сердца (в ее случае, плоти), наверное, именно поэтому она пользовалась огромным успехом у мужчин — мало найдется жриц любви, которые испытывают настоящее удовольствие от секса. Сейчас аппетиты Мадам стали скромнее: раз в неделю она удовлетворяла их с мальчиками из дружественного мужского борделя и говорила, что этого достаточно, только, как видно, лукавила...

— Еще налить? — спросил Сашка, видя, что Марго опорожнила свою чашку.

— Нет, спасибо, поеду я. — Она встала, сладко потянулась. — Надо поспать еще часов пять, а то до ночи не доживу... Кстати, во сколько Афа уехала, что-то я не заметила?

— Раньше всех свалила, — доложил Саша, убрав чашки в мойку. — Отпросилась у Мадам в два, сказала, что у нее любовное свидание.

— Любовное свидание? — не поверила Марго, насколько она знала, в последнее время у Афродиты никого не было. Она зализывала раны после очередного болезненного разрыва и пока была не готова к новому роману.

— Она так сказала, а уж как на самом деле — не знаю.

— Наврала, наверное, чтобы слинять. Она любит от работы отлынивать...

— Да, выходные она себе устраивает чаще, чем остальные...

— Ей можно, она девушка богатая.

— Она богатая? — усомнился Саша.

— Афа два года в Германии работала. В их порнухе снималась. Естественно, получала приличные деньги.

— Чего ж вернулась?

— Ностальгия, — Марго ответила словами самой Афы — та действительно в Германии сходила с ума от тоски по родине.

— Да ладно, просто там она была одной из мно-

гих, а тут королева! Звезда городских борделей, — фыркнул Саша.

— Не язви, — Марго погрозила ему тонким пальчиком, — а то я все Афе расскажу, тогда держись!

— Только не это! — шутливо взмолился парень, небось знал, что взрывная, импульсивная Афродита запросто может исцарапать физиономию, разбить о голову обидчика вазу, надавать ему по хребту стулом. — Твоя Афа могла бы тут вместо меня охранником работать — не баба, а терминатор!

Марго посмеялась вместе с Сашей над его плосковатой шуткой, после чего распрощалась с ним и покинула дом.

Ее машина была припаркована недалеко от ворот. Желтый «Фольксваген»-жук, ее гордость, ее любовь, стоял рядом с черным «пятисотым» «меринном» Мадам и серой «девяткой» Саши.

Марго открыла дверцу авто, проворно забралась в салон, устроилась на сиденье, предварительно погладив руль. Своего «жука» она обожала, для нее это была идеальная машина — хорошенькая маленькая тачка для хорошенькой маленькой леди (леди не доросла даже до полутора метров). Раньше она ездила на «Оке», что ее вполне устраивало, но Афа ее застыдила и уговорила сменить российскую малолитражку на немецкую. Она же и денег в долг дала. Без процентов. Марго уже половину выплатила, осталось чуть меньше пятнадцати тысяч. Она планировала полностью расплатиться к концу года, могла бы и раньше, но две недели назад соседи сверху (запойные пьяницы) устроили в своей халупе пожар. Приехавшие пожарные залили очаг возгорания пеной и водой. И вся эта гадость: вода, перемешанная с гарью, просочилась в квартиру Марго, испоганив обои, мебель, одежду. Убытки, естественно, ей никто возмещать не собирался, ремонт делать тоже, никого не волновало, что в такой квартире нельзя жить. И опять на помощь пришла Афа — она пригласила Марго погостить у нее какое-то время, пока нанятые ею же шабашники не закончат ремонт.

И вот уже две недели девушки живут под одной крышей.

Дорога от «Экзотика» до дома занимала не больше семи минут, и Марго не успела оглянуться, как на горизонте показалась знакомая церковь, рядом с которой стоял Афин дом. Для того чтобы въехать во двор, надо было обогнуть церковный забор, чтобы его обогнуть, приходилось сбрасывать скорость до сорока километров в час, потому что местные попрошайки буквально лезли под колеса, надеясь выклянчить подаяние. Но на сей раз на паперти никого не было, даже псевдоюродивого (на самом деле алкоголика-шизофреника), местного аборигена, обитающего в деревянном сарае за церковью, который являлся к вратам храма строго к семи, как на службу.

— У них что, забастовка? — буркнула себе под нос Марго, по привычке сбавляя скорость. — Или вчерашнее полнолуние на них так подействовало?

Когда Марго завернула за поворот, стало ясно, что полнолуние тут ни при чем, дело было в происшествии, смотреть на которое сбежались все кому не лень. Пока было не совсем ясно, что именно случилось, но очевидно, нечто серьезное, так как кроме любопытных у подъезда (Афиного подъезда) толклись менты и медики. Тут же стояли «Скорая», милицейский «козел» и одна неприметная серая машина, именуемая «труповозкой». Значит, в подъезде кто-то умер, и явно не от старости.

Марго притормозила в отдалении, опустила окно, высунулась немного, чтобы посмотреть. Тут же к машине подскочил один из наблюдателей, член прицерковной банды побирушек, заискивающе улыбнулся, продемонстрировав два гнилых клыка, и промурлыкал:

— Поддай, красавица, на хлебушек.

Марго сунула мужику пятак и махнула рукой, чтобы отвалил, но тот, видимо, отходить не собиравшись, потому что подошел не столько ради денег, сколько для того, чтобы блеснуть знаниями о происшествии перед несведущим человеком.

— Ща жмурика выносить будут, — доложил он, привалившись острым бедром к круглому боку машины. — Носилки давно втащили...

— Кто-то умер? — с интересом спросила Марго.

— Умер, голубушка, — он хитро прищурился, — подай за упокой невинной души...

— А кто, не знаешь?

— Девку какую-то пришили...

У Марго екнуло сердце — в их шестиквартирном подъезде жили только две «девки» — она и Афа, остальных можно было назвать только дамами и господами.

— Девку? — переспросила она. — Какую девку?

— Не знай... Какую-то. Она вона в той квартире живет... — И он указал грязным пальцем на Афино окно. — Эй, глянь, выносят ее!

Марго тупо посмотрела на подъездную дверь, из которой вытаскивали носилки. На них, прикрытая простыней, лежала мертвая Афродита. Это была она, точно она, потому что из-под голубого шелка (комплект постельного белья из магазина «Сладкий сон» — подарок Марго на день рождения) выглядывали золотые кудры Афы.

Афродита мертва!

Афродиту убили!

Марго вцепилась в руль вмиг заледеневшими пальцами. Этого не может быть... Не может быть... Не...

— Ну так че? — Наглый попрошайка просунул в окно сизую морду. — Накинешь еще пятерочку на стопочку? За упокой, а?

Марго швырнула в мерзкую харю десятку и быстро завела мотор.

Надо сваливать отсюда, пока не поздно! Еще не хватало, чтобы тот толстый лысый мент с рожей запойного алкоголика, который всеми командовал, заметил ее машину. Он наверняка уже знает, что в квартире вместе с покойной проживала еще одна девушка, а о том, что она разъезжает на желтом «Фольксвагене», ему могли сообщить вездесущие соседи...

Или не могли? Ведь она никогда не оставляла машину у подъезда — сразу загоняла ее на стоянку возле соседнего дома. Так, уже лучше... Нет, не лучше. Машину не заметили, но ее-то саму точно должны были видеть, а значит, запомнить, потому что внешность у Марго нестандартная, бросающаяся в глаза...

Черт, черт, черт! Как же плохо! Конечно, совесть у нее чиста, ведь она Афу не убивала, но пойди докажи это тупомордому «следаку». Этот ментяра наверняка записал ее в подозреваемые номер один. А почему? Да потому что в пепельнице, что стоит на прикроватной тумбочке, лежат обрывки расписки, составленной Марго и изодранной Афой. В ней изложено следующее: «Я, Маргарита Андреевна Катаева, обязуюсь вернуть 15 000 евро Харитоновой Людмиле Ильиничне (Афродита по паспорту была Людмилой) не позднее января 2009 года». Расписка эта была, по сути, филькиной грамотой, потому что у нотариуса ее никто не заверял, но для следствия она может оказаться ценной (по мнению следака, естественно) уликой. Как же, как же, подумает главный мент с моржовыми усами, знаем мы этих должников, сначала хапнут пятнадцать кусков, а потом, когда отдавать нечем, за пятерку киллера нанимают, и мочат кредитора в его собственной квартире...

А что, чем не версия? Тем более расписка уничтожена, а то, что именно кредиторша ее изорвала в клочья, да еще и отругала Марго за унижающие их дружбу, формальности, никто не знает.

А алиби! Вернее, его отсутствие! Кто докажет, что Марго все утро и часть ночи проспала в апартаментах? Никто! Теоретически у нее была возможность незаметно покинуть здание, выйти через калитку на улицу, добраться до Афиного дома, убить ее (еще бы знать чем?), затем вернуться в бордель. Все просто, ясно, логично! Логично! Марго — убийца!

Блин, блин, бли-и-и-ин!

— Держи себя в руках, девочка, — прорычала

Марго, зверски глянув на свое отражение в салонном зеркале. — И думай, думай...

Но думать не получалось — она всегда резко тупела именно тогда, когда нужно было быть логичной, лаконичной, умной, собранной, волевой. В отличие от Афы! Та особо здраво мыслила в экстремальных ситуациях, а когда ее загоняли в угол, становилась просто гениальной. Интересно, кто ее убил? И за что? Ее смерти могли желать многие, Марго знала это, потому что щедрая, добрая для друзей Афродита была алчной, жесткой, подлой для врагов. А враги у нее были! Брошенные возлюбленные, униженные конкурентки, соперники и соперницы, кинутые работодатели и целый сонм психически неуравновешенных клиентов.

Кто же из них?

Марго так разволновалась, размышляя над этим, что чуть не сшибла неспешно вышагивающего вдоль церковного забора старика. Слава богу, дедок не пострадал, так что не пришлось останавливаться, чтобы оказать ему помощь. И именно в этот момент на нее снизошло озарение — Марго поняла, что должна сделать.

Она вернется в «Экзотик», все расскажет Мадам, а уж та решит, что предпринять несчастной Маргоше, чтобы спасти свою шкуру.

Базиль

Базиль отпрыгнул к забору, чтоб не угодить под колеса бешено мчавшегося в сторону шоссе желтого «Фольксвагена». Он хотел выматериться вслед уносящемуся авто, но только буркнул раздраженно «смотри, куда едешь», а все потому, что за рулем сидела прехорошенькая дамочка. Любого мужика он мог обругать трех-четырёх-пятиэтажным, а женщину нет — к женщинам он относился очень трепетно.

Базиль присел на каменный выступ церковного забора, чтобы отдохнуть и полюбоваться своим новым приобретением — роскошным кашемировым

шарфом, который он только что купил в комиссионке своей приятельницы Аделаида Бруновны Кунц. Шарф был не только красивым, теплым, сто процентно английским, но еще и новым: глупые иностранцы забраковали его только потому, что на конце был небольшой непрокрас. Подумаешь, пятнышко, спрячешь его под воротник — и не видно!

Базиль приложил нежный кашемир к шее — красота! Ни одна зима не страшна. Теперь оставалось решить: себе оставить эту роскошь или сыну подарить. С одной стороны, отпрыск ничего не понимает в хороших вещах — носит всякое барахло, а на шею в мороз наматывает какую-то синтетическую тряпку, поэтому не оценит, но с другой, мальчишка так часто простужался, что ангина стала его вечной зимней спутницей, и ему кашемир принес бы больше пользы... Раз так, значит, пусть носит! Себе Базиль у Аделаиды еще что-нибудь фирменное присмотрит, а сын такую вещь ни за что не купит — он приобретает свое барахло исключительно на оптовом рынке, где продают только подвальный ширпотреб, а за кашемир выдают распашоночную байку...

Эх, сына, сына! Не в отца ты пошел, не в отца...

Это и хорошо, и плохо. Только если и плохо, Базиль все равно своего мальчика не променяет ни на какого другого. Он любит его, своего несовременного, доброго, не по годам и профессии романтичного Митеньку, так не похожего на него, Базиля.

Да, отец и сын Голушко были абсолютно разными. Разными, как белое и черное, как небо и земля, как человек и инопланетянин (нет, пожалуй, у последних общего было гораздо больше). Они были антиподами. Двумя полюсами: южным и северным... Если бы не фамильное голушкинское родимое пятно на Митиной ягодице (такое же было у отца, деда, прадеда), Базиль ни за что бы не поверил в свое отцовство, решив, что ему пытаются навязать чужого дитя. Тем более, обстоятельства, при которых он узнал о том, что стал папой, не располагали к доверию...

История с отцовством началась сорок лет назад. Тогда молодой Базиль, красавец, франт, кутила, успешный катала-гастролер вернулся в родной город из очередного тура по приморским курортам. Вернулся богачом. Это лето вообще было для него крайне удачным: его ни разу не побили, не киданули, не обыграли, не задержали (последнего он особенно опасался, так как в тюрьме он уже посидел и ему там страшно не понравилось). Осень тоже выдалась на славу — родной город встретил его не просто ласково, а восторженно, страстно. Все его любили, принимали, уважали. Любили лихие девчонки, принимала местная братва, уважали дружки-приятели. Особенно приятно было то, что среди городских проституток он пользовался таким успехом, что ни одна не спросила за свои услуги денег. Так и перезимовал: по-маленькой поигрывая, по-крупному тратясь, пьянствуя с дружками, веселясь с девчонками...

Вот если бы не было в ту зиму настолько хорошо, не задержался бы он в городе так надолго и не обрел бы сына. Но он задержался: начал собираться на гастроли не как обычно, в мае, а в начале июня. И вот когда до отъезда оставался один день и Базиль уже сидел на чемоданах (в тот момент он на самом деле сидел на чемоданах, то есть пытался умять вещи задом, так как коленом не получалось), в его квартиру постучали. Он открыл. На пороге обнаружилась знакомая деваха. Он не очень хорошо помнил, как ее звали, но был уверен, что кличка у нее Кувалда, потому что до того, как стать проституткой, девушка была метательницей молота, а завершила свою спортивную карьеру после сложной травмы плеча.

Базиль очень удивился, увидев ее: во-первых, по словам ее товарок, Кувалда отошла от дел и уехала из города в деревню к родителям, а во-вторых, на ее могучих руках лежал маленький попискивающий сверток, который можно было принять за укутанного одеялком поросенка.

Несколько секунд Базиль и его гостя тараци-